

Не только «повестка»

Небанальные итоги 82-го Венецианского кинофестиваля

Кадр из фильма «Отец, мать, сестра и брат»

13:57, 8 сентября 2025,

Ослепительные имена, отобранные в этом году на «Мостру» (так называется кинофестиваль, часть биеннале современного искусства), не смутили режиссера Александра Пейна, возглавившего жюри. Он вместе с режиссерами Кристианом Мунджу (каннская ветвь за фильм «Четыре месяца, три недели, два дня») и Мохаммедом Расулофым (иранским диссидентом, получившим высшие награды в Берлине и Канне) вынесли решения небанальные. За одним исключением. Но без политики не обойтись. Представляю, какие битвы разгорелись на обсуждениях, чтобы не выдать «Золотого льва» фильму «Голос Хинд Раджаб» тунисской умелицы Каутер Бен Хании о шестилетней девочке, убитой израильскими военными. Ему достался Гран-при к неудовольствию режиссера, что она продемонстрировала на закрытии фестиваля. А все именно ей пророчили славу, подогретую расцветом европейского антисемитизма и яростью неутихающих пропалестинских акций.

Александр Пейн в свое время способствовал открытию Кристи Пуу, оценив его гениальный фильм «Смерть господина Лазареску», будучи в жюри Особого каннского взгляда. Именно он теперь отвечает за прилив «новой румынской волны», до сих пор могучей и странной. Это важный штрих его биографии.

То, что Джим Джармуш — из последних самых независимых режиссеров (наряду с Аки Каурисмяки) — получил «Золотого льва», мало кто ожидал. Джармуш призами не избалован. Не давались они ему. И не очень-то были нужны. Фанатов его кино и без них предостаточно. Картину «Отец, мать, сестра и брат», за которую Джармуш получил главный приз, в отбор Канн не взяли. Как и в далекое время «Веру Дрейк» Майка Ли, тоже получившую главный приз «Мостры». Пижонски отвергли каннские отборщики и модернистский шедевр Джармуша «Пределы контроля» «чистый дзен» и энигматичный триллер.

Кадр из фильма «Отец, мать, сестра и брат»

Новый фильм **«Отец, мать, сестра и брат»** — лучший в венецианском конкурсе. Но разве это критерий для высшей оценки? Слишком минималистский, как бы простой, прозрачный, поэтичный, остроумный, нежный. Но — маленький, не эффектный. В отличие от модника Йоргаса Лантимоса или «монстра» визуальных пиршеств Бенисио дель Торо.

Формалист Лантимос, показавший **«Бугонию»**, может быстро и часто снимать все-все-все. В любых жанрах, с роскошным замахом, с актерами выше похвал и даже про актуальное. Например, ремейк старого корейского фильма «Спасти зеленую планету» про угрозу конспирологических бредней. Конечно, такая режиссерская отборная машина любезна публике, хотя слишком механистична. Зато тюнинг залихватский.

Есть мнение (его я не разделяю), что Джармушу дали приз за выслугу лет, что это старомодное «папино кино». Неправда. Оно живее и пластичнее опусов режиссеров-нюсмейкеров. А нюансировано с такой беззаботной ненавязчивостью, с таким естественством, что веришь: чудеса случаются. А прохлада, льющаяся

с экрана, отменяет испытания жарой.

Три новеллы. Про хитрована отца — Тома Уэйтса, его детей, сыгранных Адамом Драйвером и Маим Бялик. Встреча в Америке происходит вроде бы в Нью-Джерси. Про слишком сдержанную мать в Дублине — Шарлотту Рэмплинг и ее дочерей — малахольную Вики Крипс, инфлуэнсершу без денег на карте, и неловкую, в огромных очках, темноволосом парике, похожую на «ботаника» Кейт Бланшетт. Про очаровательных темнокожих близнецов из Нью-Йорка, приехавших в Париж, чтобы зайти в квартиру их погибших родителей и понять, что делать с вещами.

Между новеллами — паузы: прыгают по улице скейтеры. Иногда чуть в рапиде. Время замедляется и несется. К чему? Зачем? Нет ответа. Потому что не в интриге дело. Все заточено в самой материи кино или, как говорил Джармуш по поводу «Пределов контроля», в том, что это action without action. Самое трудное.

Кадр из фильма «Отец, мать, сестра и брат»

Короткие встречи. Неловкие встречи. Говорить не о чем. Слов не хватает. Но ритуалы никто еще не отменял. Они поддерживают сам ритм жизни. Обделенной, скрытной, но все же какой-никакой.

Тут чокаются водой, тосты поднимают чашкой с кофе. Тут рифмуются детали — одинаковый цвет одежды родственников комментируется со смешком. Чайный стол наряжается пирожными, как клумбы с цветами. Про часы Rolex выясняют постоянно и бегло: настоящие они или подделка. Никаких отсылок к семейному кризису. Никакого доморощенного психоанализа.

Джармуш делает кино «из ничего». И тихий фильм с саундтреком режиссера, снятый операторами Фредериком Элмсом и Йориком Ле Со, обескураживает.

Никто из близких, похоже, тут в друг друге не нуждается. Но, возможно, так просто кажется. «Я тебя люблю», — говорят тут с нежностью и по инерции. «Никто никого не любит» (рефрен фильмов Киры Муратовой) — не оторваться.

Кадр из фильма «Бугония»

Высокий рейтинг **«Голоса Хинд Раджаб»** в голосовании иностранных критиков все же профессиональных зрителей разделил. Говорят, что Александр Пейн и бразильская актриса из жюри сражались из-за этого фильма. Пейн не хотел ему «Золотого льва» отдавать. По-моему, справедливо. Однако суждения о том, что только циники могут «Голос....» не принять, раздавались многократно. Я себя жестокосердной не считаю, но сопротивлялась настырному желанию режиссера заставить меня зарыдать. Эта формула надоела. Тут «душу рвет» или не рвет поведение актеров в ролях спасателей. Они говорят долгие часы с девочкой по телефону (это реальная запись), уговаривают ее не выходить из машины, в которой она обложена трупами дяди с кузенами. Но думает, что они «спят».

В январе 2024 года палестинский Красный Полумесяц опубликовал аудиозапись звонка в службу экстренной помощи в Газе. Каутер бен Ханья включила эту запись, выставила на экране звуковые волны и обошлась без реконструкции. Зато

вменила работникам службы переживать во время бесед с девочкой до слез и обморока. Буквально. Спасателям надо организовать помощь, получив разрешение израильских властей, министерства здравоохранения или британского Красного креста. Это практически невозможно. Они стараются, ссорятся, нервы сдают, глаза мужчин заливают слезы. Надо девочку успокоить. Тикают часы. На стене штаба (вот он реконструирован) фото людей, звонивших, молящих и умерших на линии.

Кадр из фильма «Голоса Хинд Раджаб»

Необработанное аудио вместе с актерскими эмоциями побудили иностранных журналистов назвать жанр этого фильма «публичным трауром». Можно и так сказать. А для подготовки зрителей к трауру годятся любые запрещенные, то есть сильнодействующие, средства.

В прошлом году на «Мостре» был показан израильский фильм **«О собаках и детях»** Дани Розенберга, не вызвавший ни толков, ни скандала. Он прошел стороной, как косой дождь. Правда, был включен не в главный конкурс. Неизвестно, по

политическим или эстетическим мотивам. Благородная режиссура без педалей подключала тебя к судьбе девочки, ищущей в разбомбленном кибуце пропавшую собаку. Родители девочки попали в заложники. Короткие встречи с военными, с каким-то застрявшим тут стариком-арабом, блуждания в руинах, никаких бесстыдных переживательных спекуляций. А ужас войны проникал в твое сердце без пощады. Минуя зазорные приемы, по-человечески.

Именно война (далекая чеченская) в центре совершенно разных картин наших режиссеров, снятых на деньги европейских фондов

(программа «Венецианские дни»). Надо сказать, что **«Память»** Владлены Санду и **«Короткое лето»** Насти Коркии обсуждались на «Мостре» едва ли больше всех других картин. Причем не только соотечественниками. Отличные рецензии в зарубежной прессе, колоссальный интерес публики престижной программы «Авторские дни», куда были отобраны эти фильмы. На показы было не попасть. Заслуженный успех достался обеим девушкам.

Кадр из фильма «Память»

Главный приз этой программы был вручен чудесной иранской картине **«Внутри Амира»** Амира Азизи о парне, совершающем на велике головокружительные виражи по Тегерану, а в свободное от этих маневров время собирающегося в эмиграцию в Италию. К девушке, которая его ждет и с которой он в долгих телефонных разговорах обсуждает pro и contra эмиграции. На экране вовсе не репрессивный Иран. Город эмпатичный, дружелюбный, светлый. Но актуальность выбора ехать — не ехать ранит, хотя и не принуждает к одиозной однозначности. Необычная трактовка пассионарных рефлексий иранских диссидентов.

Владлена Санду получила приз зрительских симпатий за свою сложно организованную режиссуру в жанре автофикшн. А Настя Коркия за минималистский опус с очень долгими планами, почти без крупных, снятых Евгением Родиным, завоевала «Льва будущего», приз за лучший дебют из всех программ. Его в свое время получил Андрей Звягинцев за «Возвращение». Помню, как он взорвал Лидо, остров, где проходит венецианский фестиваль. В кафе, на пляже и улицах

«простые люди», услышав русскую речь, бросались на нас с объятиями.

Кадр из фильма «Внутри Амира»

«Память» и «Короткое лето» сняты на русском

Санду структурировала фильм из разного материала. Документальный нейтральный закадровый текст о собственном детстве и взрослении, о переезде из родной Феодосии в Грозный, о жизни страны СССР и после ее распада — она поженила с музыкой, классической и популярной, и с разнообразным игровым изображением. В нем девочки, играющие Владлену, не иллюстрируют текст, но отсылают к его образному миру, являются поэтическим или скорбным эквивалентом текста.

Архивные фото чеченцев, угнанных в Сибирь. Разноцветные поля, преображающие сухой текст про странности и тяготы

жизни (оператор Лиза Попова). Военный билет строгого дедушки. Фото мамы с папой. Фото отстрелянного пальца мамы с кольцом. Инсценировка беготни папы с дочкой по маковому полю. Мак он выращивает, за что осужден и скрывается. Кукольный театр в жанре хоррора, перекладывающий на маленькую сцену кровавые сценки реальности.

Наивное искусство и хроника. Намеки на соц-арт и завораживающие пейзажные антракты. Свидетельство и высказывание. Личное и общественное. Апофеоз утопии и крах системы. И грозный финал. Не стану упоминать последний жесткий план. Его предтеча — множество фото израненных детей и деток с оружием. Детей разных эпох, стран, континентов. Детей, играющих в войну, марширующих, позирующих на добрую память... Фильм посвящен детям, жертвам насилия. Исследование семейной хроники на фоне и в художественном измышлении Владлена Санду собирается продолжить.

Кадр из фильма «Короткое лето»

Настя Коркия, в отличие Владлены и ее амбициозной «Памяти», сняла тихий фильм. Солнечный зайчик ловит в ручках героини свет. Но преломляет он летнее затишье перед бурей. Время действия — 2004-й. Лето в деревне. Катя (Майя Плешкевич) тут у бабушки с дедушкой. Скуку разнообразят игры с местными друзьями — салочки, футбол. Периферийный слух ловит военные новости из радио, телевизора. Звучат они глухо, издалека. Не так четко, как в «Опавших листьях» Каурисмяки. Конфликт между летней идиллией и новостным эхом создает саспенс — деликатный и внятный. Дети играют... А в это время на дальнем плане долго ползет товарный поезд с бронетехникой. Дети этого не замечают.

Идеальный образ ощущения войны срежиссирован как рефрен будничной привычной жизни. Непривычно только то, что дед Кати почему-то разводится с бабушкой. Заводит на старости лет любовницу. Лето короткое. Мама увозит Катю в город, надо в школу, 1 сентября. Год Беслана. По телевизору шуршат новости. Мама дома, но в них не врубается.

Коркия лишает судьбу своей героини определенности. Не приговаривает ни ее, ни нас однозначностью. Это придает «Короткому лету» сложность и универсальный посыл и уводит фильм от скоротечной повестки.

Многие фильмы венецианской программы купили российские дистрибьюторы. Надеюсь, увидим их в кинотеатрах.

Зара Абдуллаева

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Ассайас не волшебник](#)

Только что показанный в Венеции фильм о том, как политтехнолог Сурков-Баранов привел в Кремль Путина, фурор не ждет

19:12, 1 сентября 2025,